

Н.В. ГОГОЛЬ: НЕЮБИЛЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ

В.Д. Денисов¹

*Центр международных связей Российского государственного
гидрометеорологического университета
(РГГМУ, Санкт-Петербург)*

МАЛОРОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН И ГЛАВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ²

Статья посвящена черновым главам неоконченной исторической повести, в которых, вероятно, воплотился замысел гоголевского малороссийского исторического романа о герое-гетмане.

Ключевые слова: раннее творчество Н.В. Гоголя, поэтическая история Малороссии, исторические произведения К.Ф. Рылеева, диалог культур, козаки³, роман «Гетьман», <Главы исторической повести>.

¹ Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Центра международных связей Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ, Санкт-Петербург); e-mail: vladdenisoff@mail.ru.

² Продолжение статьи «Малороссийский исторический роман Н.В. Гоголя», помещенной в прошлом номере журнала. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00510.

³ В слове *козак* и производных от него (для Гоголя все они обозначали воинское единство, какое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) везде в нашей статье сохранено написание гоголевских черновых редакций.

V.D. Denisov

Russian state hydrometeorological University

LITTLE RUSSIAN HISTORICAL NOVEL AND CHAPTERS OF NIKOLAI GOGOL'S HISTORICAL STORY

The article is devoted to the draft chapters of unfinished historical novel, which might have embodied the idea of Gogol's Little Russian historical novel about the hero-hetman.

Keywords: the early work of Nikolai Gogol, a poetic history of Little Russia, the historical works by K.F. Ryleev, the dialogue of cultures, the Cossacks, the novel «Get'man», «Chapters of the historical story».

На рубеже 1820-1830-х годов на Украине оставались популярными малороссийские произведения К.Ф. Рыльева (это было обусловлено и его трагической судьбой), и Гоголь вряд ли мог их не знать. Свидетельством тому представляется определенная близость к ним некоторых описаний и ситуаций в повести «Тарас Бульба»: так, ее финал – чудесное спасение козаков в Днестре – напоминает эпизод поэмы Рыльева «Палей», когда, окруженный «несметными толпами» поляков, герой находил спасение в Днепре. А высказанное поэтом намерение «объехать разные места Малороссии... чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению» [Рылеев, 1971, с. 33], Гоголь фактически повторяет в своем пожелании «осмотреть многие места, где происходили некоторые события» – для создаваемой в начале 1830-х годов «Истории Малороссии» [цит. по изд.: Машинский, 1971, с. 150; о создании «Истории...» см.: Денисов, 2006, с. 38-39].

Поэтому, видимо, не случайно сюжетная схема первой из «Глав исторической повести» Гоголя во многом похожа на план поэмы Рыльева «Наливайко» (1824) в пунктах «Сельская картина. Нравы малороссиян <...> Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков» [Рылеев, 1971, с. 439]. И есть все основания полагать, что гоголевский замысел так же включал изображение козацкого восстания. Но еще ближе первая из «Глав...» к прологу исторической трагедии «Богдан Хмельницкий», который Рылеев читал публично в

середине ноября 1825 г., – это последнее, что он завершил перед восстанием [Там же. С. 442].

Как показывает анализ, в основу этих произведений Рыльева и Гоголя одинаково положены сведения «Истории Русов» псевдо-Конисского о том, как из-за Брестской унии 1596 г. Малороссию охватила волна козацко-крестьянских восстаний и сюда были введены регулярные польские войска, а православные «церкви не соглашавшихся на Унию прихожан отданы жидам в аренду и положена за всякую в них отправу денежная плата...» [ИР, с. 40; см. также: С. 52, 56; Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 178, 203, 217; 233, 141; 137, 134-136; 230, 634-637]. Молвой и народной памятью незаконные «откупы» были гиперболизированы и обобщены в исторических песнях-думах и малороссийской драме образами «рандарей», которые не только церкви – шляхи, реки, людей, «хрестьянску кровь... орендуют» [см., например: Записки о южной Руси, 1856-1857, с. 56-58; 249, 107-108, 130-132].

В произведениях и Рыльева, и Гоголя действие начинается у церкви (центра каждого православного поселения), а причиной конфликта выступает противоречие естественных потребностей православных с не знающей предела корыстью и подлостью арендатора Янкеля (весьма схожего с будущим гоголевским героем). Далее он обращается к военным, чтобы те защитили от православных, и развитие конфликта приводит к насилию, обостряя до предела отношения противоборствующих сторон. У Рыльева разноголосое движение от просьб и обращений – к негодованию и открытому протесту козаков и крестьян образует эпический, «народно-исторический» фон для появления Героя, выражающего их нужды и чаянья, так же, как они, страдающего от несправедливости и насилия захватчиков-поработителей. Под пером Гоголя этот конфликт еще больше обостряется, поскольку действие приурочено к Светлому Воскресению, – впрочем, тоже вслед Рыльеву: тот в отрывках поэмы «Наливайко» (журнал «Полярная звезда» 1825 г.) сравнивал страдания малороссиян с муками Страстной недели, противопоставляя этому весеннее пробуждение природы. Тот же мотив звучит в <Главах...> – и слитность изображенной толпы, и ее стихийные действия, и резкое возвышение над ней Героя «от Бога» (об этом ниже) говорят о

воплощении Гоголем романтической концепции «Героя и толпы» у Рыльева, – ведь о прологе к трагедии «Богдан Хмельницкий» начинающий автор мог знать лишь в пересказе (скорее всего, от О.М. Сомова, близкого поэту и отчасти посвященного в его творческие планы). Рылевым упомянута и «Тарасовская ночь в Переславле», ее повторения смертельно боятся арендаторы [Рылеев, 1971, с. 251]. И это событие предстает прологом Хмельнитчины, а вождь народного восстания должен был стать прообразом Богдана (как у Гоголя).

В литературе того времени Хмельницкий изображался неоднократно и неоднозначно [см. об этом: Марченко, 2009]. Иногда аллюзии так гиперболизировали противоречия его образа, что герой и его поступки воспринимались анекдотичными. Вот как, например, автор **трех** «исторических» малороссийских романов, студент Московского университета Петр Голота представлял обычное поведение гетмана: «Высокие думы рисовались на его челе... с необыкновенной живостию пробегал он огненными глазами... письма и то улыбался, то принимал на себя важный вид и в то время залпом выпивал по несколько чарок горелки, стоявшей перед ним, от чего, по-видимому, наполнялся опять вдохновения, отваги и решимости» [Голота, 1834, ч. III, с. 72]. Складывается впечатление, что в подобных случаях автор попросту подтверждал семантику фамилии героя, считая все это народной традицией.

Но в патриотической поэме «Богдан Хмельницкий» (1833), анонимно изданной в Петербурге и, можно полагать, известной Гоголю, главный герой впервые являлся «В одежде крымца не простого, / По виду ляха молодого, / И по словам... – / Украинца» [Хмельницкий, 1833, с. 3]. То есть, герой в костюме знатного крымского татарина выглядел как молодой поляк, но говорил по-украински. Возвратившись в родные места, он узнавал о смерти отца и *тотчас* пытался отомстить за нее виновнику – старосте Чаплицкому, но *вдруг* обнаруживал необъяснимую доверчивость, позволяя схватить себя, заковать и бросить в темницу – так же, как в финале романа Ф.Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1819). А когда герой в заточении ожидал казни, его

вдруг спасала «младая полячка», дочь антагониста (как в финале того же романа¹).

В думе Рылеева героя спасала сама «младая жена» Чаплицкого: она «связь с тираном разорвала» и, потрясенная «мученьем и вместе мужеством» героя, несла ему освобождение, меч и... себя [Рылеев, 1971, с. 158]. Согласно романтическому стереотипу, освобожденный пленник должен был немедленно ответить своей спасительнице также пламенным чувством. И действительно, герой, ни минуты не колеблясь, обменивал грубые дьявольские кандалы на Божественные узы супружества со своей впервые увиденной освободительницей – и получал «внешнюю» свободу и возможность действовать: «Жена Чаплицкого приносит / Тебе с рукой свободу в дар <...> Будь мой!» – «Я твой!» – «Прими свой меч!» [Там же]. И хотя о героине больше не упоминалось, этот сделанный ей выбор означал признание высочайших моральных качеств Героя, его правоты, справедливости притязаний и естественного, «от Бога», права властвовать другими. То есть, в общем и целом, данная коллизия обосновывала как патриотические, так и личные мотивы его мести тирану:

А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

¹ В этом автор следовал «Истории Русов» – согласно иным источникам, освободить героя из темницы помогала жена Чаплицкого [Жаркевич, 1981, с. 99]. Все это позволяет предположить, что анонимную поэму тоже написал Ф.Н. Глинки, находившийся в ссылке за близость к декабристским кругам. О том же говорит упоминание в финале поэмы «прямого сердцем Николая»: это под его управлением ныне благоденствует Малороссия. При Николае I задунайские запорожцы вернулись на родину и были прощены, что означало реабилитацию прежней Сечи, уничтоженной Екатериной II. Прославление царского милосердия Николая подразумевало и надежду на смягчение участи декабристов, вплоть до полного прощения, сохранявшуюся до конца 1830-х годов у определенной части общества и поддерживавшуюся ослаблением строгости наказания и льготами со стороны правительства для некоторых осужденных участников восстания.

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За все – и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет
[Там же. С. 157].

Таким образом Герой утверждается в роли народного вождя, а вокруг него «как моря волны, Рои толпятся козаков» [Там же. С. 158]. «Волны» и «рои» означают стихийное, динамично-хаотическое движение козаков – «разнонаправленное», «слепое», без руководства. И потому поступки возглавившего и направившего их Героя «от Бога» предстают действиями **войска**:

Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!..
[Там же. С. 159].

Вероятно, изначально так и представлял Гоголь отношения козацкой массы с Тарасом Остраницей, чей образ в <Главах исторической повести> соединяет имя и стать одного гетмана с прозвищем (фамилией?) другого. При описании того, как в Светлое Воскресение все козаки пришли в церковь, автор употребляет, по сути, те же сравнения: «...как рои пчел, толпились козаки...» и «...море голов, почти не волновавшееся» [Гоголь, 1937-1952; т. III, с. 277]. И далее в изображении молящихся козаков совмещаются динамика и статика. Так, по словам автора, это «картина великого художника, вся полная движения, жизни, действия и между тем неподвижная», где духовное единство собравшихся подчеркнуто одинаковой реакцией: «...на лице каждого выходявшего дрогнули скулы <...> После перемены в лице, рука каждого невольно опустилась к кинжалу или к пистолетам <...> все спокойно вошли в церковь <...> На всех лицах просияла радость...» – и, наконец, после окрика Остраницы – «Послушно все, как овцы, разбрелись по своим местам...» (III, 278-279).

Мотив оружия и вооруженного конфликта (или возможного насилия) в церкви, не соответствующий христианской религии, динамика / статика присутствующих, а также возможное отражение этого художником на картине есть в романе В. Скотта «Ламермурская

невеста» (1819). Во время заупокойной службы по лорду Рэвенсвуду в церкви появился «полицейский чиновник с вооруженными людьми» и потребовал прекратить обряд. В ответ сын покойного обнажил свою саблю, угрожая приставу, и тут же «пред глазами» того заблестали «сотни саблей <...> Это явление <было> достойно кисти художника. Под сводами жилища смерти священник, уstraшенный зрелищем, коего он был свидетелем, и беспокоясь о собственной безопасности, читал скоро и без сердечного участия торжественные молитвы своей церкви. Вокруг него в молчании <замерли> родственники умершего; более раздраженные, нежели опечаленные, и их поднятые сабли разительнo противоречили их печальной одежде» [Скотт, 1827, ч. 1, с. 16-17].

В <Главах исторической повести> Острица появляется среди вооруженных молящихся «почти незаметно», но *сразу* привлекает внимание, возвышаясь «над другими целою головою», выделяясь «каким-то крепким, смелым окладом» лица, которое «было спокойно и вместе так живо», что способно «было всё заговорить конвульсиями», – и «все мало-помалу начали обращаться на него» (III, 278). Затем он как бы растворяется среди «массы... народа... лиц...», чтобы, вновь возникнув из «толпы» или хаотической «кучи», остановить ее волнение «одним своим мощным взглядом» да окриком: его «взгляд и голос... как будто имели волшебство: так были повелительны» (III, 278-279). Здесь физическое и духовное превосходство Героя – свидетельство власти над людьми «от Бога». Но вот парадокс: обладая такой властью, Тарас Острица **не уверен** ни в собственной правоте, ни в избранной цели. На то есть основания... После долгого вынужденного отсутствия он возвратился на родину в разгар конфликта Речи Посполитой и украинского Козачества. И те, кто узнал Героя (Пудько, Галя-Ганна), уверены, что он вернулся для борьбы с поляками. Однако, как признается себе Тарас, его привела сюда «не правда, и месть, и жажда искупить себе славу силой и кровью... Всё вы, всё вы, черные брови!» (III, 297). Отсюда мучительное противоречие между чувством и долгом в сознании Героя, который, по наблюдению исследователей, «более рыцарь, как неоднократно называет его Гоголь, чем настоящий козак» [Розов, 1911, с. 166]. Да, он привел с собой запорожцев на какое-то

«предприятие», но теперь, когда возлюбленная согласна уехать с ним, готов нарушить данное запорожцам слово. Он (как потом Андрий Бульба) ставит личное *чувство* выше общего патриотического *долга*, хотя в душе и осуждает себя за эту непозволительную для козака слабость, за власть, какую взяла над ним любовь. Ведь в прошлом из-за этого он невольно промедлил в бою с поляками, отчего козаки были разбиты.

Подобное противоречие свойственно и Гале-Ганне: она готова пожертвовать чувством к Тарасу ради благополучия своей матери. Это «двойное» женское имя Гоголь использовал в трех произведениях, включая «Майскую ночь» (и никогда и нигде больше!). В списке «Имен, даемых при Крещении» украинское имя «Ганна, Галя, Галька... Анна» – единственное, которое противоречит русскому, кроме *Маруси – Марины* (IX, 513). В русском языке уменьшительные *Галя, Галька* восходят к *Галине*, а значение этого имени «спокойная, безмятежная» явно отличается от значения «милость Божия» у *Анны/Иоанна*. Так **единое** украинское имя, чьи варианты принадлежат **различным** русским именам, по мысли Гоголя, отражает двойственную, «близнечную» природу героини того же типа: духовное имя *Ганна* соответствует ее небесным мечтам, порывам ввысь¹, а имя *Галя* – земной, чувственной, слабой стороне ее натуры. То есть, «мятущаяся» меж этих полюсов героиня должна сделать выбор между долгом дочери перед матерью и чувством к любимому, а неуверенный в себе герой – между любовью и долгом патриота, а им обоим противостоит недостойный отец героини – домашний тиран, предавший Острилицу и козаков. Эта коллизия напоминает любовный треугольник в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1831), где и Ганна-Галя, выбирающая между сыном и отцом, и юный Левко, искренне любящий ее, бескомпромиссный, уверенный в своей правоте, и его антипод – недостойный деспотичный отец – Голова, который заранее уверен в своей правоте и неотразимости, как бы взаимно дополняют и «уравновешивают» друг друга.

В <Главах...> наглядно видно, как борьба долга и чувства – эта главная «пружина» историко-романтических произведений того

¹ Галей-Ганнусенькой звали героиню народной песни «Побег малороссиянки» [Максимович, 1827, с. 121].

времени – организует, направляет, оживляет и «закручивает» все действие. На таком противоречии, вероятнее всего, основывалось бы и дальнейшее развитие сюжета. Уже готов был вмешаться антагонист Героя – отец возлюбленной (тогда конфликт мог развиваться, как у Хмельницкого с Чаплицким). Но возможно участие и другого антагониста – ведь Герой смертельно оскорбил поляка, лишив его уса¹, и уланы, которыми тот командует, оказываются ночью в поместье Острицы...

Подобными явными и скрытыми противоречиями определяется сюжетное построение («остановившееся движение» молящихся козаков, оружие в храме, народная ненависть к полякам – вынужденное подчинение силе, угрожающее взрывом; любовная коллизия), а также поступки Героя... Вот Острица расправляется с начальником польских уланов, но оставляет его в живых как слугу короля. Вскоре он же спасает поляка от гнева толпы, дав понять козакам, что винить в своих бедах они должны короля, а не его слуг, хотя сам рядом с возлюбленной будет размышлять о возможной поездке «в Польшу к королю», тогда как, по ее словам, «ляхи еще не вышли из Украины» и про Острицу «никто не позабыл» (III, 288-289). Вероятно, Гоголь ввел этот мотив, чтобы затем использовать сведения о том, как Владислав IV, польский король в 1632-1648 годах, при встрече с Зиновием Хмельницким спросил: «Что вы здесь жалуетесь, разве не стало у вас рук и сабель?» – По преданию, именно «сей ответ развязал руки и изострил сабли козаков на освобождение отчины их» [Глинка, 1819, с. 14], а сюжет о вражде короля со шляхтой сохранился в козацких песнях.

Согласно авторской трактовке, Герой одновременно молод и умудрен опытом, горяч и хладнокровен, откровенен и скрытен, жесток и великодушен, известен и неузнаваем (и Галя – «девушка лет осмнадцати» – не узнает любимого после *долгих лет* разлуки). Близким к идеалу вольного козака странником он стал по причине исключительных жизненных обстоятельств: чудесное рождение и

¹ Возможно, это тоже аллюзия на конфликт Хмельницкого с Чаплицким: за вину последнего, по суду чести, Зиновий должен был сбрить ему ус [см.: Карпук, 1991].

круглое сиротство, участие в набегах запорожцев, «полон» у татар, вынужденное выступление против ляхов и поражение от них и/или турецкий поход. Все это отчуждает Героя, делает его одиноким. И семья представляется ему главной и единственной ценностью: ради нее, считает он, можно обратиться к польскому «королю <...> или хоть к султану», не воевать, а спокойно поселиться с возлюбленной «на Перекопе или на Запорожье» (III, 289) – то есть у крымских татар или на хуторах возле Сечи (ведь в самой Сечи не могло быть женщин). Такое явное небрежение козацкими идеалами и традициями совершенно очевидно противопоставляет Героя народу!

Характеристика Героя содержит взаимоисключающие черты и как бы суммирует известные читателям обстоятельства жизни разных легендарных гетманов – не только Хмельницкого. При этом противоречия и эклектика, присущие, по мысли автора, той эпохе и потому характеру Героя (в разной степени и другим характерам тоже), еще недостаточно здесь обоснованы «художнически», слишком резки и потому так бросаются в глаза. Заранее ясна и цель изображения **пути** Героя: каждая новая встреча должна добавлять ему какую-то новую черту, обнаруживать новые противоречия характера. А значение имени Тарас обуславливает вероятность того, что «мятущийся» индивидуалист байронического типа, самодостаточный одиночка, усомнившийся в справедливости миропорядка, волею судьбы станет «мятежным» героем-бунтарем и возглавит стихийное народное движение (так было с героем знаменитого романа «Пуритане» 1816 г. [рус. пер.: Скотт, 1824]).

Представление о малороссийском Козачестве в <Главах исторической повести> создают и «портрет деда Острицы, воевавшего с знаменитым Баторием <...> суровое, мужественное лицо, которому жалость и всё мягкое, казалось, было совершенно неизвестно», и «небольшая картина... изображающая беззаботного запорожца с бочонком водки, с надписью “*Козак, душа правдивая, сорочки не мае*”», и нарисованные народным умельцем «сцены из Священного Писания», где изображены «Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака; св. Дамиян, сидящий на колу, и другие подобные» (III, 293-294). Здесь «Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака...» – это версия библейского сюжета о принесении Авраамом своего сына Исаака в жертву Богу: «И простер Авраам руку

свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Быт. 22:10; ср., убийство Тарасом Бульбой сына Андрия). Св. Дамиан-бессеребряник был искусным лекарем и обладал даром исцелять даже безнадежные болезни силою молитвы, но в его житии нет эпизода казни на колу. То есть, ситуации козацкой жизни здесь переосмыслены как библейские и житийные сюжеты.

В этой перспективе судьба Героя-странника, круглого сироты, обусловлена и его козацким родом, и **чудом**. Он родился у *погибших* родителей: «...странная судьба моя! Отца я не видал: его убили на войне, когда меня еще на свете не было. Матери я видел только посинелый и разрезанный труп. Она, говорят, утонула. Ее вытянули мертвую и из утробы ее вырезали меня, бесчувственного, неживого» (Ш, 296). Этот фольклорный мотив чудесного рождения определяет миссию *народного спасителя, избавителя* [Пропп, 1976, с. 237]¹, противостоящего не-козацкому миру, что подтверждается ускоренным развитием Героя («Еще мал и глуп... уже наездничал с запорожцами») и его побуждением вместе с козаками «отмстить за ругательство над Христовой верой и за бесчестье народу» (Ш, 297). Но тут же он признается себе, что тогда «ни о чем не думал», его «почти силою уже заставили схватиться за саблю», а потом он стал виновником поражения козаков, не ударив из засады, потому что увидел среди врагов «Галькиного отца» (Ш, 297; ср.: Андрий Бульба из-за любви к дочери воеводы возглавил засаду поляков в битве с запорожцами).

Если в архаических жанрах мотив «чудесного рождения» маркировал героя, избавлявшего людей от гнета и/или беды (например, С. Палея), то в современном Гоголю романе этот мотив был, как правило, связан с тайной *происхождения* героя. Так, в романе В. Скотта «Антикварий» (1816) идет речь о том, как состоявшая в тайном браке леди Невил была заключена под стражу, бежала и бросилась в море. Когда ее спасли, у нее начались преждевременные схватки, и, родив сына, она скончалась. Ее свекровь, желавшая разрушить этот брак, приказала служанке Элспет убить мальчика, но

¹ Герою-спасителю в фольклоре присущи неестественно быстрое развитие и неосознанные свободолюбивые устремления, что и демонстрирует Тарас Острица.

его спас дядя, брат отца, который затем тайно воспитал героя сообразно титулу и завещал ему имя. Состарившаяся Элпет перед смертью хочет облегчить душу и открывает тайну, которая освещает темные, скрытые от других героев связи, подробности прошлого, – в конечном итоге, ту истину, что объясняет ход событий. Но, с точки зрения автора, это происходит и как бы само собой, по естественному закону жизни, где всегда должно побеждать Добро, а зло будет наказано даже официально – государством [Скотт, 1826, ч. III, с. 227-228].

На фоне романа «Антикварий» (переключки с ним ранних гоголевских фрагментов, на наш взгляд, отнюдь не случайно) легко обнаружить и редукцию поэтики тайны. Последняя в <Главах...> уже обуславливает лишь экзотическую сторону сюжета, связанную с его национально-историческим, фольклорным колоритом, и явно профанируется: неоднократно и показательно не узнаваемый другими, сам герой знает о своем происхождении, а на роль хранительницы тайны подходит как выжившая из ума старая нянька, так и дряхлая мать Ганны-Гали (в этом случае тайной могли быть и внутрисемейные связи, например, родство матерей / отцов, которое обращало отношения их детей в инцестуальные).

Портреты гоголевских старух явно схожи с образами Элпет и тещи Глечика и описанием сосны в «Главе из исторического романа». У Элпет неподвижное сморщенное лицо, «невнятный, могильный голос», «иссохшая рука», движения автоматические; отрешенная от внешнего мира, старуха ничего не замечает, ибо погружена в прошлое; иногда она кажется «мумией, на минуту оживотворенной давно оставившим ее духом» [Там же. Ч. III, с. 107-109]. В «Главе...» сосна «посреди обнаженного леса» была похожа на «мумию, которую с изумлением отыскивают между голыми скелетами, одну, не сокрушенную тлением. В ней видны те же черты, та же прекрасная форма человека объемлет ее. Но, Боже, в каком виде!» (III, 315). Теща Глечика также напоминает «жертву могилы, в которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человеку всю ничтожность долготлетия, к коему так жадно стремятся его желания. Могильное равнодушие разливалось на усеянных морщинами чертах ее. Ни искры какой-нибудь живости в глазах! мутные, они устремлялись порой... но тот бы обманулся, кто прочитал бы в них

что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядели; им всё казалось смутно, как не совсем проснувшемуся человеку <...> старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь мир свой, который так же казался ей просторен и люден, как и всякий другой...» (III, 319). В <Главах исторической повести> мать Ганны-Гали – это «иссохнувшее, едва живущее существо <...> несчастный остаток человека... олицетворенное страдание <...> длинное, всё в морщинах, почти бесчувственное лицо <...> губы какого-то мертвого цвета <...> слившиеся в сухие руины черты...» (III, 300-301). Это наводит на мысль, что, изображая старух на пороге смерти, Гоголь не только наделяет их чертами Элпет, но и варьирует при этом классический образ старухи Смерти, представляя старух носительницами *вечной тайны* и ее символом. Подтверждение тому – в финале «Сорочинской ярмарки», в хрестоматийных образах «старушек, на ветхих лицах которых вяло равнодушием могилы <...> которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому...» (I, 135- 136).

А сам отчужденный рефлектирующий Герой в <Главах...> пытается противостоять жестокости окружающего мира, насилию, самой *смерти*, и дает отпор не только наглým захватчиком (что совершенно естественно!), но и самосуду над ними «разгневанного народа», и атаману, «учащему» плетью одного из молодых запорожцев в Светлое Воскресенье (III, 283, 298-299). Таким образом, Тарас колеблется между козацким и «рыцарским» [Розов, 1911, с. 166], между **противостоянием** миру, его законам, его несправедливости (здесь это еще не самая главная черта Козака) и равнодушием к миру, даже его приятием, от выступления против поляков и осуждения короля – к мечтам о милости последнего и «прощении», от турецкого похода – к идее обратиться «к султану» (III, 289, 297-298). Его заветная мечта – хозяйничать Дома, в «семейном раю» вместе с возлюбленной (III, 298), и во имя этого он даже способен забыть о Долге и Товарищах – что было бы **невероятно** для козака! Впрочем, в «низовом» историческом романе такое поведение вполне обычно для непоследовательного, чувствительного героя, считавшего высшей ценностью *частную жизнь*. Тот мог увидеть на балу «волшебную украинку» – и «все планы, все чувства, всё земное было забыто; он

желал бы только видеть ее и обратить на себя также внимание» [Голота, 1832, ч. 3, с. 68].

А вот подруге Острицы больше по душе участь **вольного козака**: ему «подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чем тебе не думать. Если б я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня – и всё мне (при этом она махнула грациозно рукой) трин-трава! Но что будешь делать? я козачка. У Бога не вымолишь, чтоб переменял долю...» (III, 289). Далее – по сюжету «Кровавого бандуриста» и фрагмента <“Мне нужно видеть полковника”> – видимо, та же героиня (если исследователи верно поняли гоголевский замысел) уходит из семьи, переодевается в мужское платье (III, 713) и, отвергая приличия, наравне с мужчинами принимает участие в национально-освободительной борьбе. – И это более высокая ступень героического противостояния всему миру, чем обычно у козаков.

Таким образом, <Главы исторической повести> предстают попыткой воплотить саму «идею» исторического романа, которую, вслед за первыми публикаторами, можно отнести к замыслам и ранним опытам Гоголя 1829-1830 годов. Об этом свидетельствует историко-этнографический фон, детали его заимствованы из «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, из «Истории Русов» [Казарин, 1986, с. 44-45, 53-54], из словаря и записей гоголевской «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1827-1831). В частности, описание бытовых реалий основано на выписках из Академического словаря, из словника к сборнику М. Максимовича «Малороссийские песни» (1827) и на сведениях о старинном украинском быте, присланных по просьбе сына М. И. Гоголь в 1829 г. (IX, 524). Характерология <Глав...> близка фрагментам «малороссийской повести “Страшный кабан”» (1831) и повестям «Вечеров», особенно из первой части, которые создавались в 1829-1830 годах. Так, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» ухаживающий за Пидоркой «лях, обшитый золотом... со шпорами» соответствует образу «ляха», что возникает в ревнивых подозрениях Острицы, а употребление имени Ганна-Галя и стилистика объяснения влюбленных сближают <Главы...> с повестью «Майская ночь». Коллизия, когда отец

возлюбленной героя «держит вражью сторону», повторяется в повести «Страшная месть».

Время записи <Глав...> можно отнести к 1832-1833 годам [Казарин, 1986, с. 33. – Ср.: III, 713]. Но нестыковки в их тексте, вариативность наименования героев, различие мотиваций можно объяснить, лишь предположив, что так были **впервые** сведены отдельные варианты **ранее написанного**. Насколько можно судить, их обработка с точки зрения будущего целого только начиналась и в основном затронула первую главу. Именно здесь, в отличие от других глав, длительное отсутствие Героя объясняется турецким походом, кроме того, Героя называют сотником – как Хмельницкого [см.: Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1. с. 187]. В последующих же главах его отсутствие мотивировано упоминаниями о неудачном восстании против поляков и последующем бегстве, что отчасти сближает Героя с гетманом Острицей. Возможно, Гоголь изменил дату «1625» на «1645» и соответствующим образом стал прорабатывать текст во избежание историко-смысловых аллюзий с восстанием декабристов 1825 г. Ведь изначально и датировка, и легко опознаваемые читателем совпадения с произведениями Рыльева об истории Малороссии, упоминание о неудаче народного восстания и выбор Героя-вождя располагали к таким аллюзиям (а следовательно, вполне закономерна постановка темы «Гоголь и декабристы». – См.: Анненкова, 1989).

Однако и этот обработанный заново текст продолжения не имел – так как, скорее всего, подобный образ героя уже не соответствовал целям повествования. Исключительный Герой, со всеми противоречиями (непоследовательный, чересчур «вольный», «мятущийся» Тарас Острица или талантливый, но хитрый и скрытный, себе на уме, полковник Глечик в «Главе из исторического романа»), возвышаясь над другими, противопоставлял себя среде и, по сути, становился чужим для своего народа, подобно колдуну в «Страшной мести». Основой же первых повестей «Вечеров...» как поэтической истории народа стало изображение *типичного народного героя* (не такого, как «средний» герой романов В. Скотта. – См. об этом: Альтшуллер, 1996, с. 16-19) – у Гоголя он больше напоминал персонажей украинского народного театра [об этом см.: Перетц, 1902, с. 50-51]. И, в отличие от романов В. Скотта, где толерантно

изображались обе стороны уже исчерпанного религиозно-идеологического конфликта, а соответственно – их идеалы, Гоголь изначально ориентировал повествование на *утраченные идеалы* Козачества, явно противопоставляя их современности.

И потому, когда он, уже используя опыт «Вечеров», сводит варианты <Глав...>, то обрабатывает их, наделяя Героя чертами Хмельницкого, и это означает начало превращения особенного Героя в *героя типического*. Тогда же Гоголь отказывается от тенденциозного изображения мучений и страданий малороссиян, характерного для его ранних исторических фрагментов. И лишь затем, на рубеже 1833-1834 годов, «идея» романа о Козачестве, которая с 1829 г. определяла сбор сведений по украинской истории и фольклору, публикацию материалов в журнале П. Свиньина [об этом см.: Манн, 1994, с. 214], вдохновляла ранние исторические фрагменты и подпитывала повести «Вечеров», в какой-то мере воплотится в повествовании о Бульбе и его сыновьях. Этому, несомненно, способствовали разработка замысла всемирной и малороссийской истории, глубокое изучение фольклора и летописей.

Предположительно, сначала государственно-историческая «идея» была связана с материалами для трагедии, которые Гоголь начал собирать еще в гимназии с 1827 г., когда в его письмах матери появились намеки о «начале великого предначертанного мною здания» (X, 117 и след.). Дальнейшая разработка «идеи» предшествовала созданию первой части «Вечеров» в 1829-1831 годах и потом шла параллельно, оказывая существенное влияние на весь цикл (как показывают исследования, для Гоголя характерна «перекрестная» работа над несколькими замыслами). Подтверждение – в письмах того периода. Летом 1829 г. Гоголь сообщает матери: «В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пуцую в свет <...> Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными наименованиями существенного имени нации» (X, 150), – а затем вновь упоминает о каком-то «обширном труде» (X, 178). Как можно понять, речь идет о нескольких произведениях малороссийской тематики, причем одно из них явно объемнее и серьезнее, чем повести «Вечеров», на которые обычно указывают комментаторы. Сама же «идея» (судя по отсутствию уточнений в письме, известная матери),

вероятно, возникла из вполне естественного интереса к истории своего рода, особенно после внезапной смерти отца в 1825 г.

Таким образом, к 1835 г. <Главы исторической повести>, «Глава из исторического романа» и «Кровавый бандурист» в представлении автора были связаны как различные и разновременные варианты воплощения «идеи» романа о национально-освободительной борьбе (с XVI до середины XVII в.), «идеи», чье развитие вело к созданию исторической повести «Гарас Бульба». Именно там получают окончательное воплощение многие характеры, ситуации, описания, картины быта в предшествовавших фрагментах. Кроме того, эти произведения будут связаны общностью места действия – Полтавщиной и временем, что можно назвать *условно-историческим*: несмотря на точные или неточные даты, иногда – и на противоречащие им хронологические детали, это всё, по сути, художественно обобщенное время народно-освободительной борьбы и/или те ее периоды, какими их представлял художник-ученый. Подобная ахронологичность присуща историческому повествованию у романтиков (анахронизмы нередки у самого В. Скотта), как и предшествовавшему готическому роману – например, «Удольфским тайнам» (1794) А. Радклиф.

Исходя из явной *тенденциозности* <Глав исторической повести>, следует полагать, что к единому сюжетному повествованию на основе накопленного материала автор пришел на рубеже 1830-1831 годов, к началу Польского восстания, когда обострился общественный интерес к проблемам русско-украинско-польских отношений. А «Глава из исторического романа» представляет предшествующий этап разработки «идеи» – на основе семейных преданий и актуальных реминисценций из романов (в основном, М. Загоскина), – от чего Гоголь в дальнейшем отказался. По-видимому, его не устроили и возможности любовно-авантюрной коллизии <Глав исторической повести> (один из набросков он сделал потом основой «Кровавого бандуриста»). Учитывая все это, вкупе с замечанием о «частях романа», о его сохранившихся отрывках, нельзя исключить, что, согласно «идее», на каком-то этапе ее воплощения автор представлял целое или как взаимосвязанные *эпизоды жизни* легендарных гетманов – от Наливайко до Хмельницкого и Апостола, или же как *цепь*

эпизодов (глав) из жизни гетмана, отчасти *похожего* на Богдана Хмельницкого и внешне, и по характеру, поведению, и обстоятельствами жизни, – и это свое представление обозначил как роман «Гетьман». Неизвестно, написал ли автор другие эпизоды или только <Главы исторической повести>, но очевидно, как сама разработка «идеи», попытки ее воплотить в большом эпическом полотне оказали огромное влияние на творчество Гоголя с начала 1830-х годов, вдохновили его последующие исторические и жанровые поиски.

Одним из подготовительных набросков <Глав исторической повести> и, вместе с тем, «мостиком» к будущей повести «Тарас Бульба», по наблюдению исследователей, можно считать отрывок <“Мне нужно видеть полковника”> (Гоголь, РНБ, л. 6-6об). Первый вариант его был вписан разборчивым почерком, идентичным тому, каким в 1832 г. записывались материалы по истории Малороссии. Второй, расширенный вариант записан на обороте этого же листа скорописью и датируется 1833 г. По предположению исследователей, «отроком», который смущается и не смеет войти к полковнику, в первоначальном варианте могла быть переодетая юношей Ганна-Галя – возлюбленная Острицы: в <Главах...> он звал ее с собой, и потом в <Кровавом бандуристе> она окажется пленником, вместо него захваченным поляками (III, 713-714). А главное – в отрывке возникает герой принципиально иного плана: «Прямо на разостланном ковре сидел полковник. Ему, казалось на вид, было лет 50. Волоса у него стали седеть, сизые усы величаво опускались вниз. Длинный синий рубец на щеке и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой резкой характерной черты, но просто оно выражало с спокойствием уверенность козака. Глядя на него, можно было тотчас узнать, что у него рука железная и мощно может управлять <...> Несколько пистолетов и ружей стояли, и висели по углам ставки уздечки; в углу куль соломы. Полковник сам, своею рукой, чинил свое седло...» (III, 322).

Таким видит козацкого полковника оказавшийся в его шатре неискушенный отрок (или же – если верны догадки исследователей – переодетая в мужскую одежду девушка). Старый воин уверен в себе, умел, неприхотлив как простой козак, он явно превосходит остальных выдержкой, мудростью, огромным опытом, в том числе бранным

(смертным), о чем говорит сабельный шрам. И потому полковник вполне убежден в своем праве на жизнь козаков (так, он способен убить козака за пьянство в походе!), получив власть «от Бога» и боевых товарищей, разделяющих с ним это право, а его властные приказы четко обозначают место действия – украинские «степи».

Переориентация места действия и целостная, «непротиворечивая» характеристика героя показывают, как изменились взгляды Гоголя на историю Малой России и ее козаков, когда он принялся за изучение и описание Всеобщей, средневековой, малороссийской и русской истории, и уже на этом фоне стал рассматривать фольклорные сведения, козацкие и польские летописи. Затем свое видение малороссийского Козачества писатель воплотил в повести «Тарас Бульба», вошедшей в цикл «Миргород» (1835), и уточнил во 2-й ее редакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

<Анненкова, 1989> – Анненкова, Е.И. Гоголь и декабристы (Творчество Н.В. Гоголя в контексте литературного движения 30-40-х гг. XIX в.) / Е.И. Анненкова. – Москва: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – 178с.

<Бантыш-Каменский, 1830> – Бантыш-Каменский, Д.Н. История Малой России: в 3 ч. / Д.Н. Бантыш-Каменский; 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Тип. Селивановского, 1830.

Глинка, Ф. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия / Ф. Глинка. – Санкт-Петербург: В Медицинской тип., 1819. – 56 с.

<Гоголь, РНБ> – Записная тетрадь Гоголя, из числа принадлежавших И.С. Аксакову // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Фонд 199. Ед. хр. 1.

¹ В оформлении списка литературы сохранен авторский вариант.
Прим. ред. – Г.К.

<Гоголь, 1937-1952> – Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч.: Т. I-XIV. Москва; Ленинград, 1937–1952. Везде цит. по этому изд., указывая в круглых скобках том – *римской* цифрой, страницу – *арабской*.

<Голота, 1832> – Голота, П. Иван Мазепа. Исторический роман, взятый из народных преданий: ч. 1–4 / П. Голота. – Москва: Унив. типография, 1832.

<Голота, 1834> – Голота, Петр. Хмельницкие, или Присоединение Малороссии. Исторический роман XVII в.: ч. 1–3 / П. Голота. – Москва: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834.

<Денисов, 2006> – Денисов Владимир. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя): Монография / В.Д. Денисов. – Санкт-Петербург: Изд-во РГГМУ, 2006. – 276 с.

Жаркевич, Н.М. Творчество Ф. Н. Глинки в истории русско-украинских литературных связей / Н.М. Жаркевич. – Киев: «Наукова думка», 1981. – 160 с.

<Казарин, 1986> Казарин, В.П. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории / В.П. Казарин. – Киев; Одесса: «Вища школа», 1986. – 126 с.

<Карпук, 1991> – Карпук Paul A. Gogol's Unfinished Historical Novel «The Hetman» (Незаконченный исторический роман Гоголя «Гетьман») // The Slavic and East European Journal. – Vol. 35. – N 1 (Spring, 1991). – С. 36-55.

<ИР> – Конисский, Г. История Русов, или Малой России / Г. Конисский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва, 1846. – № 1-4. – Отд. 2.

<Максимович, 1827> – Малороссийские песни, изданные Михаилом Максимовичем / М.А. Максимович. – Москва: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1827. – 234 с.

Манн, Ю.В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя. 1809-1835 гг. / Ю.В. Манн. – Москва: МИРОС, 1994. – 472 с.

Марченко, Т.М. Образ Богдана Хмельницкого в литературе русского романтизма. Монография / Т.М. Марченко. – Донецк: Норд-Прес, 2009. – 296 с.

Машинский, С.И. Художественный мир Гоголя / С.И. Машинский. – Москва: Просвещение, 1971. – 512 с.

Перетц, В. Гоголь и малорусская литературная традиция / В. Перетц // Н. В. Гоголь. Речи, посвященные его памяти... – Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, 1902. – С. 47-55.

Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи: / В.Я. Пропп. – Москва: Наука, 1976. – 325 с.

Розов, В.А. Традиционные типы малорусского театра XVII-XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя / В.А. Розов // Памяти Н. В. Гоголя: Сб. речей и статей, изд. Имп. ун-том Св. Владимира. – Киев: Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, акц. о-ва Корчак-Новицкого, 1911. – С. 99-169.

Рылеев, К.Ф. Полн. собр. стихотворений / К.Ф. Рылеев; изд. 2-е. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – 480 с. – (серия «Б-ка поэта»).

<Скотт, 1824> – Шотландские пуритане, повесть трактирщика, изданная Клейшботемом, учителем и ключарем в Гандер-Клейге. Исторический роман, соч. Вальтера Скотта: в 4 ч. / В. Скотт; пер. В. Соц. – Москва: Тип. С. Селивановского, 1824.

<Скотт, 1826> – Антикварий. Роман. Соч. Вальтера Скотта: в 4 ч. / В. Скотт; пер. с фр. П.К. – Москва: Тип. С. Селивановского, 1826.

<Скотт, 1827> – Скотт, В. Невеста Ламмермурская. Новые сказки моего хозяина, собранные и изданные Джедедием Клейшботемом, учителем и ключарем Гандерклейгского прихода. Соч. Вальтера Скотта: в 3 ч. / В. Скотт. – Москва, 1827.

<Хмельницкий, 1833> – Богдан Хмельницкий. Поэма в шести песнях. – Санкт-Петербург: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1833. – Без автора. – 122 с.